

ИНОСТРАННОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В МАНЬЧЖУРИЮ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ КОНСУЛОВ

В.В. Синиченко,

профессор кафедры отечественной истории и экономики
ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России
доктор исторических наук, доцент;

В.А. Семенов,

аспирант Восточно-Сибирской
государственной академии образования

В статье рассказывается о деятельности российских консулов в провинциях Маньчжурии в начале XX в. Описывается реакция дипломатических органов Российской империи на иностранное проникновение в северо-восточный Китай, на деятельность провинциальных китайских властей и военные усилия Китая вдоль русско-китайской границы.

The article tells about the activities of Russian consuls in the provinces of Manchuria in the early twentieth century. Described by the reaction of diplomatic bodies of the Russian Empire to foreign penetration in the north-eastern China, the activities of provincial Chinese officials and Chinese military efforts along the Russian-Chinese border.*

Важным объектом наблюдения российских консулов в Маньчжурии с 1907-1908 гг., когда появились в регионе генеральные российские консульства, было экономическое и политическое проникновение иностранных держав в эту приграничную с Россией территорию.

Но усиление японского влияния в северо-восточном Китае не отвечало интересам России. Поэтому Петербург использовал любую возможность, чтобы довести через своих дипломатических агентов Пекину об экспансионной политики Токио.

* Sinichenko V.V., Semenov V.A. Foreign penetration in the eyes of Russian consuls Manchuria.

Так, в секретной телеграмме министра иностранных дел посланнику В.Н. Крупенскому в Пекин 20 ноября 1912 г. сообщалось, что монгольское правительство Северной Монголии - Халхи сообщило о намерении отправить в Японию делегата для извещения об автономии Монголии и установлении дружественных отношений и просило совета российской стороны. МИД России посоветовал монголам отложить осуществление этой мысли, пока их международное положение определится. Вместе с тем МИД просил указать Пекину на подозрительные контакты японского правительства, как с Внешней, так и с Внутренней Монголией прилегающей к Южно-Маньчжурской железной дороге. В частности Министр иностранных дел России рекомендовал В.Н. Крупенскому доверительно сообщить об этом факте китайскому Министру Иностранных Дел, как о доказательстве того, насколько для самого китайского правительства выгодно скорее согласиться с Россией по монгольскому вопросу, дабы выяснить международное положение Монголии и не допустить вмешательство Японии в монгольский вопрос (1).

Китайская сторона вполне осознавала, что присутствие японцев, равно как и россиян в Маньчжурии не несет положительных последствий для политических позиций китайского правительства.

Так, в секретной телеграмме консула в Цицикаре С.В. Афанасьева от 14 ноября 1912 г. за № 1839 говорилось, что 12 ноября в город было доставлено 12 станковых пулеметов, 8 ручных пулеметов, 90 ящиков со снарядами, и 3. 400. 000 патрон. Амбаню было предписано немедленно приступить к формированию отрядов резервной полиции (2).

Согласно сведениям российской разведки из Цицикара за 1913 г. командующий войсками генерал Чжу провел совещание по переформированию войск суньфандуй в луцзюнь (из ополчения в регулярные части. В.С.). Было принято решение все войска Хэйлуцзянской провинции с 1 июля 1914 г. переформировать. Первым делом было решено сформировать из войск суньфандуй пехотную дивизию и кавалерийскую бригаду. Начальником дивизии был назначен Сюй Ланьчжоу, начальником штаба дивизии Лин Цзиньлин, командирами пехотных полков дивизии – Жэнь Гоцзян и Инь Шун, командиром кавалерийской бригады – Баоинь Э. В Хэйлуцзянской провинции было решено увеличить количество милиционеров. В каждой части провинции по 500, итого в четырех пограничных с Россией частях провинции – 2000 бойцов (3).

Город Гирин был разделен на 10 полицейских участков. Ранее в участке было 100 пеших и 30 конных полицейских. С 1 июля 1914 г. вводилось 130 пеших и 50 конных. Таким образом, общее количество полицейских в Гирине доводилось до 1 800 человек (4).

По распоряжению военного министра Китая на случай войны состав постепенно должен был увеличен до 4 000 человек, из которых 1 000 человек считались бы на полицейской службе, а остальные на военной. В Чаньчуне командир бригады Пый по приказу командующего войсками командировал в

Харбин командира Цо для осмотров образцов оружия, изготовленного на германских заводах (5).

По сообщению того же источника реформированная китайская армия состояла перед Первой мировой войной из 10 дивизий, общим численным составом в 528 000 человек. Окончательно реорганизовать все вооруженные силы китайские власти планировали к 1917 г. (6).

Новая армия была рассредоточена в стратегически важных районах страны, но не представляла надежной социальной опоры для государства. Большинство генералов- заменивших на командных высотах маньчжуров – Чжан Ли, У Лучен, не обладали необходимыми знаниями и навыками. Военный флот китайской республики состоял из 8 легких крейсеров, 4 канонерских лодок и 34 старых миноносцев (7).

Сближение Китая и Германии, выразившееся в военно-техническом сотрудничестве, очень интересовало российских консулов накануне Первой мировой войны. По их мнению сотрудничество двух стран происходило из-за вопроса о железнодорожном строительстве в Маньчжурии.

Так, 14 июня 1914 г. был подписан новый немецко-китайский договор о финансировании немецким капиталом строительства железнодорожной линии в Шаньдуне. Это договор развивал соглашение 31 декабря 1913 года. Немцы финансировали строительство железной дороги в 1914 г. на большем протяжении, чем в 1913 г. Линия Кауми – Ичжоу-фу была продолжена за пределы Шандунской провинции до Сюйчжоу-фу, пункта соединяющего Тяньцзинь-Пукоусскую линию со строящейся бельгийской железной дорогой. Линия, которая соединяла Цицань-фу с Пекин-Ханькоусской железной дорогой. Во всяком случае, постройка этой второй линии не остановилась у Пекин-Ханькоусской железной дороги, так как немцы получили преимущественное право на финансирование железных дорог на западе от перечисленных пунктов. Немцев, по сообщению консула в Мукдене, привлекали и богатые угольные залежи в окрестностях Чжан-дэ.

Одним из условий китайско-германского соглашения явилось обязательство немцев учредить в Цицань-фу техническое училище для обучения мелких китайских служащих. Кроме того, немцы обещали принять 10 китайских студентов в Циндаоский колледж и в Шанхайское промышленное училище.

В политическом смысле этот немецко-китайский договор давал Германии возможность распространения своего влияния из Шаньдуна на Южную Маньчжурию. Это соглашение имело также и крупное экономическое значение, так как благодаря ему немцы получали доступ в богатый район вблизи Чжэн-дэ-ху и далее в глубь провинции.

Кроме того, это соглашение объединяло Циндао с бельгийской линией. Таким образом, все грузы по этой магистрали должны были поступать в немецкий порт, как в более оборудованный в тот момент и приспособленный к принятию больших партий товаров пункт на берегу Желтого моря, чем гавани Ханчжоу и Тунчжоу, куда предполагали бельгийцы вывести свою железную дорогу (8).

Опираясь на германскую финансовую помощь, происходило увеличение военного присутствия Китая в Маньчжурии, произошли военные противостояния японских и китайских частей. В донесении консула в Мукдене № 21 от 24 мая 1914 г. говорится о столкновении командующего 27 дивизией генерала Чжан Цзолина с японцами. Столкновение это произошло по следующему поводу. Некий китаец-мошенник составил план местности, в состав которой входили северные казармы, и продал весь этот участок японцам. Договор, несмотря на его очевидную нелепость, был утвержден японским консулом в Мукдене. На основании этого договора японцы потребовали участок, где дислоцировались китайские войска. Произошло боестолкновение войск, с обеих сторон были убитые и раненые. Такие же инциденты прошли в других частях Маньчжурии (9).

В связи с этим в мае 1914 г. всеобщее внимание было обращено на приезд в Китай известного японского финансового барона Шибусава. Последний посетил Шанхай, крупные центры в долине Янцзы был в Пекине и Тяньцзине, осматривал по дороге различные промышленные предприятия и имел совещание с государственными людьми страны.

По сообщению консульства в Шанхае целью этого посещения выставлялось тогда желание японцев выяснить торгово-экономическое положение Китая и постараться завязать более тесные отношения с ним на почве совместной эксплуатации естественных богатств и устройства, различных торгово-промышленных предприятий при посредстве «Японо-китайского общества для содействия развитию промышленности в Китае», которое было образовано в Японии известным революционером Сунь Ятсеном в бытность его там в 1913 г. Во главе этого общества был тогда же поставлен барон Шибусава. В виду возникновения затем беспорядков в долине Янцзы и того близкого участия, которое принимали в них японцы, деятельность названного общества должна была естественно прекратиться на время. Но с окончательной ликвидацией японо-китайских инцидентов, наступил момент, когда японцы получили возможность привести к более активной деятельности общество. Эта именно задача и была возложена на барона Шибусава.

За его кратковременное пребывание в Пекине ему удалось развеять подозрительность китайского правительства, привлечь к участию в Обществе крупных китайских деятелей, сторонников правящего режима и получить предварительное обещание на санкцию этого Общества китайским правительством.

По сообщению источника состоялась регистрация названного Общества в Министерстве земледелия и торговли Китая. Капитал этого учреждения был установлен в 5 млн долларов США, которые были поровну распределены между китайцами и японцами путем выпуска 50 000 акций по 100 долларов каждая. Правление Общества находилось в Токио, в Пекине же учреждалось Управление Директоров с особым отделением в Шанхае. Во главе Общества стоял Главный директор, его заместитель и два директора-распорядителя. Первым был назначен Старший Советник при Статс-

секретаре Сюй Шичан, сановник Ян Шичи, заместителем же его барон Шибусава, который, оставаясь в Токио, имел своего представителя в Управлении японца имя которого, консулу, не было известно.

Цель Общества заключалось в решении финансовых вопросов, касающихся Китая. При осуществлении, однако, вышеизложенных задач Общество должно было получать в каждом отдельном случае разрешение Китайского и Японского Правительства (10).

Первым шагом Общества стало предложение фирмы Мицуи принять участие в постройке железной дороги капиталами и образованием смешанной кампании, причем японцы указывали на полученную будто бы ими концессию на линии Хайлин-Нингута.

Российские дипломаты были ориентированы побуждать китайцев категорически отклонять домогательства японцев. Российские дипломаты в данной ситуации считали, что положение требует протеста против деятельности Мицуи, а также против железнодорожного строительства в сфере русского влияния в Маньчжурии (11).

Тем не менее, японская экспансия в регионе продолжалась. 7 июня 1915 г. в Токио была ратифицирована конвенция, подписанная Японией и Китаем в Пекине от 25 мая 1915 г. о закреплении за Японией трех сфер влияния – Южной Маньчжурии, Внутренней Монголии и Шаньдуна, который был захвачен японцами вооруженным путем осенью 1914 г. Также в это время (6 июня) произошло подписания соглашения трех парламентских лидеров Японии о проведении единой внешней политики в отношении Китая (12).

Но неожиданно отпор японскому проникновению в Китай последовало со стороны Соединенных Штатов Америки. 30 октября 1915 г. посланник в Вашинготе отмечал, что президент США обещал поддержку Юань Шикаю в противодействии японской экспансии (13).

Это было тем более необходимо Пекину, что консулы России в Китае отмечали, нестабильное финансовое положение страны, полное расстройство экономической сферы. Подчеркивалось, что правительство Китая "не только не имеет денег в казначействе", но и ввело "мораторий на выплату долга, что обесценила государственные кредитные билеты". Для пополнения казны Китайское правительство обратилось к державам обещав передать в обеспечение сборы с соляного налога. 28 мая 1916 г. при встрече Ли Юаньхуна с председателем комиссии с членом Совета Государственного контроля Н.А.Коноваловым, французским чиновником Г.Мазо китайские власти получили обещания о финансовой поддержки. Но Япония (Хиоки) выступила против нового займа, поскольку пессимистично оценивало финансовое состояние Китая. Более того, по мнению консула И.А.Кудашева, Япония поддерживала революционеров в Китае и выступила за развал китайской государственности (14).

Последнее диктовалось тем, что в 1916 г. возник вопрос о совместном контроле союзных держав над железнодорожной сетью Китая. Япония в ответ на английское предложение заявило, что оно не против замены в т.н.

"Пятерном консорциуме" Германии на США, но требует, чтобы американское правительство дало ответ на следующие вопросы:

- 1) Согласно ли правительство США не поддерживать американских предпринимателей, не вошедших в консорциум;
- 2) Изменит ли США свой взгляд на иностранный контроль за китайскими финансами;
- 3) Заключит ли США соглашение об отсутствии конкуренции с членами консорциума;
- 4) согласятся ли представители администрации США с японскими требованиями об обеспечении займа китайскими монополиями (15).

Получив отказ США японским требованиям, Токио как сообщается в секретной телеграмме русского Генерального Консула в Харбине от 26 июля 1916 г., приступил к практически открытому военному вмешательству в дела Китая в Маньчжурии. Монархическое движение в Маньчжурии и внутренней Монголии было организовано японцами и имело целью восстановление Маньчжурского царства в составе трех маньчжурских провинций и внутренней Монголии под протекторатом Японии. Япония снабжала монархистов деньгами и оружием, давала офицеров для обучения солдат и руководства военными операциями, а также гарантировала успехи движения. Штаб квартира монархистов находилась в Дальнем (по японски Дайрене) . Во главе монархического маньчжурского движения стоял принц Су Циньван.

Монархисты в 1916 г. располагали в Маньчжурии 15 000 обученными японцами солдат, всего же предполагалось на вербовать и обучить до 30 000 с соответствующим числом резервов. Велась активная пропаганда в маньчжурских войсках, и делались попытки привлечения на сторону монархистов некоторых влиятельных людей.

Военные операции предполагалось начать в Гиринской провинции. В виду заявления японцев об объединении в особое Маньчжурское царство трех восточных провинций, монархисты были намерены выяснить, действуют ли японцы в данном случае с согласия России или нет, выяснить отношение русского правительства к их движению и в связи с этим какую позицию занимает Россия, в случае если движение перебросится в Цицикарскую провинцию и Баргу (Северную Маньчжурию, находившуюся по русско-японскому соглашению 1911 г. в российской сфере влияния) .

По сообщению источника военные операции в крупном масштабе в Маньчжурии предполагалось начать в августе 1916 г., когда предполагалось закончить все приготовления (16).

Выступления маньчжурских монархистов не произошло из-за поддержки, в том числе и финансовой республиканского Китая со стороны США в 1916 г. (17).

Россия в американо-японских противоречиях занимало сторону Японии. 29 июля 1916 г. посланник в Пекине получил письмо в МИД в котором говорилось «Благоволите заявить Китайскому правительству, что Императорское правительство сочтет привлечение американских капиталов к продолжению Калганской железной дороги нарушением обязательств принятых Китаем перед Россией в 1899 г. Благоволите вместе с МИД Японии

также решить вопрос о высылке из Китая группы американских капиталистов" (18).

МИД России в Токио отметил в письме 15 ноября 1916 г., что 10 ноября 1916 г. Япония передала России орудия, взятые ими в Порт-Артуре в годы русско-японской войны. По этому поводу, отмечали в МИД, - благоволите высказать Японскому правительству глубокую признательность за данное доказательство дружбы к нам (19).

Итак, японский капитал перед и в годы Первой мировой войной стремился к активному проникновению в Маньчжурии. Японской экономической экспансии до Первой мировой войны противодействовала германская, а после начала мирового конфликта американская коммерческая инициатива. Поэтому периодически японские политические круги планировали создать сепаратное государство в Маньчжурии под протекторатом Японии. Российские дипломаты в этих условиях собирали информацию о японских планах и побуждали китайские власти отклонять японское домогательство. В период ослабления российских позиций в регионе в 1916 г. российские дипломаты стали поддерживать японскую сторону.

Таким образом, главными задачами российских консулов в Маньчжурии накануне и годы Первой мировой войны стало противодействие иностранной экономической и политической экспансии, борьба с контрабандой спирта в Маньчжурии и Монголии и разбор дел связанных с задержанием китайских предпринимателей российской таможней.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.37. Л.237.
2. ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.37. Л.222.
3. ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.2. Л.84.
4. ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.2. Л.85.
5. ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.2. Л.85.
6. ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.10. Л.53.
7. ГАИО. Ф.25. Оп. 11. Д.10. Л.290.
8. ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.166. Л.36.
9. ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.2. Л.86.
10. ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.166. Л.37;38.
11. ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.92. Л.8.
12. ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.219. Л.72;76.
13. ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.221. Л.116.
14. ГАИО. Ф. 25. Оп.11. Д. 220. Л.120.
15. ГАИО. Ф.25. Оп. 11. Д. 219. Л.78.
16. ГАИО. Ф.25. Оп. 11. Д.92. Л.12.
17. ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.167. Л.36.
18. ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.167. Л.40.
19. ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.167.Л.41.